

Консульское право

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ РАБОТНИКОВ КОНСУЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Б.В. Г а н ю ш к и н*

Консульские отношения России с иностранными государствами и консульское право продолжают развиваться. Только за время, прошедшее с момента выхода в свет двух предыдущих статей по консульскому праву¹, появились новые консульские учреждения нашей страны за рубежом²: в октябре 1999 года было открыто генеральное консульство России в Симферополе (Украина)³ и почетное генеральное консульство России на территории Гибралтара, входящего в юрисдикционную зону Великобритании.⁴

Были ратифицированы и вступили в силу консульские конвенции России с Таджикистаном от 17 октября 1996 г.⁵ и с Кубой от 23 марта 1998 г.⁶ 20 ноября 1999 г. наша страна ратифицировала консульскую конвенцию с Индией от 21 декабря 1998 г.⁷, и в ближайшее время она также вступит в силу. Новые конвенции не внесли существенных изменений в содержание привилегий и иммунитетов самих консульских учреждений, хотя, разумеется, некоторые вопросы решаются в них иначе, чем раньше.⁸

Что же касается личных привилегий и иммунитетов работников консульства, то как в ранее заключенных, так и в подписанных в последнее время конвенциях имеется немало различий в решении касающихся их вопросов. Это относится, в частности, к такой важной проблеме, как неприкосновенность личности членов персонала консульских учреждений.

Однако, прежде, чем рассматривать любые привилегии и иммунитеты работников консульства, включая неприкосновенность их личности, необходимо выяснить, какие категории персонала имеются в консульствах, поскольку статус работников различных категорий неодинаков. Консульские конвенции в этом вопросе нередко отличаются друг от друга.

Более половины из рассматриваемых здесь двусторонних консуль-

* Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, подробнее об авторе см. в № 3 нашего журнала за 1992 г.

ских конвенций, заключенных нашей страной, а также Консульский устав 1976 г. говорят лишь о двух категориях персонала: консульских должностных лицах (должностных лицах консульской службы) и сотрудниках консульства. Причем в указанных документах термин “сотрудник” обычно охватывает как административно-технический, так и обслуживающий персонал. Лишь в отдельных случаях, например, в конвенции с Норвегией, указывается, что под сотрудниками в ней понимается только административно-технический персонал, а об обслуживающем персонале ничего не говорится, и его правовое положение в конвенции никак не определяется.

Некоторые особенности в этом отношении имеет конвенция с Японией. В ней формально различаются лишь две категории работников консульства: должностные лица и сотрудники. Однако, затем оговаривается, что термин “сотрудники консульства” распространяется на обслуживающий персонал за исключением предоставления относящимся к нему лицам иммунитета от уголовной юрисдикции, освобождения их от иных налогов, кроме налога на заработную плату, и освобождения от таможенных пошлин и сборов. Таким образом, по крайней мере, в указанных вопросах, члены обслуживающего персонала выделяются в третью категорию работников консульства.

Каково же значение выделения в составе персонала консульства только двух категорий работников и объединения в одной категории административно-технического и обслуживающего персонала? Укрепляет ли это правовое положение сотрудников или, напротив, как-то ограничивает объем их привилегий и иммунитетов? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Все зависит от содержания каждой конкретной консульской конвенции. Если та или иная конвенция предоставляет сотрудникам достаточно широкие привилегии и иммунитеты, то это положительно сказывается на правовом положении той части сотрудников, которая относится к обслуживающему персоналу, поскольку он по своему статусу как бы “подтягивается” к административно-техническому персоналу. В результате работник обслуживающего персонала консульства может иметь больше привилегий и иммунитетов, чем такой же работник в посольстве, хотя в принципе привилегии и иммунитеты работников консульства, включая должностных лиц, как правило, более узки, чем у работников посольства.

Если же какая-либо консульская конвенция “скупа” на привилегии и иммунитеты для сотрудников, то это негативно сказывается на их правовом положении, причем в этом случае статус работников административно-технического персонала как бы “опускается” до уровня работников обслуживающего персонала, что вряд ли можно считать правильным, поскольку административно-технический персонал выполняет в консульстве более важные функции.

В остальных двусторонних консульских конвенциях, многосторонней Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. и Положении 1966 г.⁹ говорится о трех категориях работников консульства: должностных лицах, сотрудниках (служащих) консульства и членах обслуживающего персонала. В этих документах под сотрудниками (служащими)

понимается только административно-технический персонал. Поскольку в консульских конвенциях, заключенных Россией в последние годы, вопрос о категориях работников консульства решается именно таким образом, по-видимому, есть основания утверждать, что наметилась устойчивая тенденция выделять в составе персонала консульств три указанные категории.

С учетом этого, можно перейти непосредственно к рассмотрению вопроса о неприкосновенности личности различных категорий работников консульства.

Проблема неприкосновенности личности имеет как бы две стороны: во-первых, обязанность государства пребывания обеспечить повышенную охрану лиц, пользующихся ею, их защиту от посягательств на их личность, свободу и достоинство со стороны частных лиц и преступных организаций, и, во-вторых, обязанность властей государства пребывания воздерживаться от их ареста или задержания вообще или за исключением специально предусмотренных случаев.

Первая из этих обязанностей вытекает из общего обязательства государства пребывания, закрепленного в большинстве консульских конвенций, согласно которому, как указывается в статье 40 Венской конвенции 1963 г., “государство пребывания обязано относиться к консульским должностным лицам с должным уважением и принимать все надлежащие меры для предупреждения каких-либо посягательств на их личность, свободу и достоинство”. Такое закрепление указанной обязанности лишь в отношении должностных лиц встречается и в ряде двусторонних консульских конвенций, например, в конвенции с США, Великобританией, Францией, Швецией, Сомали, Норвегией, Монголией, Никарагуа, Италией, Афганистаном, Мали, Лаосом, Грецией, Вьетнамом, Эфиопией, конвенции с Индией 1998 г. и рядом других стран. В ряде конвенций говорится о защите должностных лиц и членов их семей.

В некоторых других конвенциях, например, с Литвой, Арменией, Украиной, соответствующее обязательство государства пребывания относится только к главе консульства, причем сам термин “защита” не употребляется, а говорится о принятии мер, необходимых для того, чтобы глава консульского учреждения мог исполнять свои обязанности и пользоваться предоставленными ему привилегиями и иммунитетами.

Вместе с тем, имеются конвенции, например, с Эстонией, Республикой Корея, Ганой, Казахстаном и т.д., в которых обязанность государства пребывания обеспечить защиту от преступных посягательств относится ко всем работникам консульства.

Таким образом, различия консульских конвенций в этом вопросе состоят, главным образом, в круге лиц, которым государство пребывания обязано обеспечить защиту от посягательств со стороны частных лиц. Однако, представляется, что и в отношении работников консульства, для которых такая специальная защита не предусмотрена, общая обязанность государства пребывания обеспечивать их защиту от преступных посягательств все-таки существует, поскольку любое государ-

ство обязано обеспечивать хотя бы элементарную безопасность как собственных граждан, так и иностранцев, находящихся на его территории.

Что же касается работников консульства, имеющих право на неприкосновенность личности, то им государство пребывания должно не просто предоставить защиту от посягательства на их личность, свободу или достоинство, но и обеспечить повышенную охрану их личности. Как именно будет она обеспечиваться — это дело государства пребывания. Конечно, оно не может обеспечить каждого работника консульства, пользующегося неприкосновенностью личности, персональной охраной. Но, скажем, такие меры, как охрана служебных и жилых помещений работников консульства, особенно в тех случаях, когда они проживают более или менее компактно в каком-то районе города, или патрулирование таких районов, вполне полезны государству пребывания. Многие государства включили в свое уголовное законодательство специальные нормы, повышающие наказание за посягательства на иностранных представителей.

Возможны и другие меры. Так, некоторые государства идут даже на то, что разрешают иностранным дипломатам хранение и ношение огнестрельного оружия в целях самозащиты¹⁰. Это может быть разрешено и работникам консульств. Однако, большинство государств воздерживается от этого. Во всяком случае в теории международного права и в практике государств принято исходить из того, что обеспечение неприкосновенности личности иностранных представителей — это обязанность государства пребывания, а не самих этих представителей.

Более того, если неприкосновенность личности дипломата, должностного лица консульской службы или иного представителя иностранного государства нарушается, и он оказывается жертвой преступного посягательства, государство пребывания должно нести за это международную ответственность, даже в тех случаях, когда оно не желало совершения какого-либо преступления против их личности, свободы и достоинства. В подобных случаях государство пребывания несет международную ответственность не за действия преступников, а за бездействие или недостаточно эффективное выполнение своих обязанностей органами государства пребывания, на которые возложено обеспечение неприкосновенности личности иностранных представителей. Невыполнение соответствующими органами государства пребывания своих функций в этой области составляет нарушение международного обязательства государства пребывания, на котором лежит специальная обязанность по защите иностранных представителей от преступных посягательств.

В целях надлежащего выполнения этого международного обязательства государства и принимают законодательные и иные меры по обеспечению неприкосновенности личности иностранных представителей, в том числе работников консульств, имеющих право на международную защиту.

К сожалению, принимаемые меры не всегда оказываются достаточными, и преступные посягательства на работников консульств, так же как и на других иностранных представителей, явление отнюдь не редкое.

Так, в июле 1970 г. группа неизвестных лиц похитила в Монтевидео (Уругвай) генерального консула Бразилии Алонзио Мареса Диаса, в мае 1971 г. был похищен генеральный консул Израиля в Стамбуле (Турция) Эфраим Эдром, в феврале 1976 г. во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) был убит консул Югославии Э. Здовец, в июне 1983 г. было совершено бандитское нападение на консула нашей страны в Сан-Франциско (США) О. Плотникова, получившего тяжелые ранения, в августе 1993 г. было совершено, к счастью неудачное, нападение на российского консула в Тегеране (Иран) А. Киселева, которого нападавший пытался захватить в качестве заложника¹¹. В марте 1999 г. в Санкт-Петербурге было совершено покушение на почетного консула Азербайджана Гудзи Османова, который был ранен выстрелами двух неизвестных лиц, предположительно также азербайджанцев, в помещении консульства¹².

Наиболее опасны посягательства на личность работников консульств, происходящие с ведома или при попустительстве властей государства пребывания. Так, в 1996 г. в Мьянме (бывшая Бирма) был арестован почетный консул Леандр Никольс, представлявший в этой стране интересы Финляндии, Норвегии, Дании и Швеции.¹³ Поскольку он был почетным консулом и гражданином Мьянмы, он не имел права на привилегии и иммунитеты и, в частности, на неприкосновенность личности. Поэтому сам по себе его арест, хотя по утверждению прессы он имел политическую подоплеку, нельзя считать противоправным. Однако, тот факт, что его подвергли жестоким пыткам и замучили до смерти, вызвал возмущение правозащитных организаций и общественности многих стран¹⁴.

Эти и другие примеры преступных посягательств на работников консульств в разных странах свидетельствуют о необходимости дополнительных усилий всех государств по обеспечению неприкосновенности личности иностранных представителей, пользующихся международной защитой.

Успешное решение этой задачи зависит от многих факторов: мер по снижению преступности, совершенствования работы правоохранительных органов и т.п.

Что касается второй стороны обеспечения неприкосновенности личности работников консульства — защиты их от неправомерного воздействия властей государства пребывания, неоправданного ареста или задержания членов персонала консульства, имеющих право на неприкосновенность личности, то для решения этой задачи требуется прежде всего четко знать и строго соблюдать соответствующие положения консульских конвенций всеми, кто имеет к этому отношение.

В отечественной правовой литературе многие авторы, говоря о личных привилегиях и иммунитетах работников консульства, включая неприкосновенность личности, высказывали мнение относительно "более ограниченного характера их привилегий и иммунитетов по сравнению с дипломатическими"¹⁵, справедливо утверждая, что "объем консульских привилегий и иммунитетов обычно несколько уже объема привилегий и иммунитетов, предоставляемых персоналу дипломатических представительств"¹⁶. В некоторых работах это утверждение касалось

непосредственно неприкосновенности личности: “эта личная неприкосновенность, — писал, например, К.К. Сандровский, — в принципе сейчас признается всеми государствами, однако, она не распространяется так далеко, как у дипломатов, не носит абсолютного характера”¹⁷.

Это действительно так, однако, содержание консульских конвенций по этому вопросу очень разнообразно.

По конвенциям со многими развивающимися государствами, некоторыми из стран Восточной Европы и СНГ¹⁸ всем работникам консульства, включая сотрудников и обслуживающий персонал, если он выделяется в отдельную категорию,¹⁹ а также проживающим вместе с ними членами их семей,²⁰ предоставляется неприкосновенность личности, которую условно можно назвать полной, поскольку она означает, что они не могут быть арестованы или задержаны в какой бы то ни было форме. При этом указывается, что государство пребывания обязано относиться к ним с должным уважением и предотвращать всякие посягательства на их личность, свободу и достоинство. По конвенциям этой группы такая полная неприкосновенность личности предоставляется работникам консульства и членам их семей при условии, что они не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно.

Конвенции с Ираком и Афганистаном предусматривают столь же полную неприкосновенность личности всех работников консульства, причем такая неприкосновенность личности по этим двум конвенциям распространяется даже на работников консульства из числа граждан государства пребывания или лиц, постоянно проживающих в нем, в тех случаях, когда они находятся при исполнении служебных обязанностей. Разумеется, это не относится к членам их семей, которые не выполняют в консульстве служебных обязанностей. Нельзя не отметить, что предоставление гражданам государства пребывания неприкосновенности личности, да и вообще каких-либо привилегий и иммунитетов, хотя бы в связи с исполнением ими служебных обязанностей, является, мягко говоря, необычным и в других конвенциях, как правило, не предусматривается.

По конвенциям с Сомали и Монголией полная неприкосновенность личности предоставляется всем работникам консульства и членам их семей, проживающим вместе с ними, лишь при условии, что они не являются гражданами государства пребывания, а требование о том, что они не должны быть лицами, постоянно проживающими в нем, отсутствует. Следовательно, если работником консульства или членом его семьи окажется гражданин какого-либо третьего государства или лицо без гражданства, постоянно проживающие в государстве пребывания, то по этим двум конвенциям они будут пользоваться полной неприкосновенностью личности. Правда, в них, как обычно, предусматривается, что должностными лицами консульской службы могут быть лишь граждане представляемого государства, но это требование не относится к другим работникам консульства и членам их семей.

Аналогичным образом решен этот вопрос в конвенции с Великобританией, в статье 17 которой указывается, что “личность консульского

должностного лица или сотрудника консульства неприкосновенна”. Однако, содержание предоставляемой им неприкосновенности личности не раскрывается, хотя с учетом формулировок, имеющихся в различных консульских конвенциях, это является отнюдь не лишним. За отсутствием каких-либо иных указаний на этот счет можно по-видимому исходить из предположения, что конвенция с Великобританией закрепляет полную неприкосновенность личности всех работников консульства: должностных лиц и сотрудников. Такой же неприкосновенностью личности по этой конвенции пользуются члены семьи работников консульства, если они не являются гражданами государства пребывания.

И, напротив, по конвенциям с Боливией, Никарагуа и Экваториальной Гвинеей полная неприкосновенность личности предоставляется всем работникам консульства и проживающим вместе с ними членам их семей лишь при условии, что они являются гражданами представляемого государства. Поэтому не только гражданин государства пребывания, но и гражданин любого третьего государства или апатрид, работающие в консульстве или являющиеся членами семей работников консульства, не могут, по этим конвенциям, пользоваться неприкосновенностью личности.

Однако, при всех оговорках и дополнительных условиях конвенции этой группы в принципе признают за всеми работниками консульства и членами их семей, удовлетворяющими требованиям соответствующей конвенции, полную неприкосновенность личности, означающую, что они не могут быть арестованы или задержаны в любой иной форме.

Другая группа конвенций признает неприкосновенность личности только за должностными лицами и лишь в ограниченном объеме, поскольку по этим конвенциям допускается возможность в определенных случаях лишать свободы даже должностных лиц.

Так, согласно п. 3 статьи 11 Консульской конвенции с Францией “консульское должностное лицо не подлежит ни аресту, ни лишению свободы в любой другой форме, иначе как по предъявленному ему судебными властями обвинению в совершении тяжкого преступления, влекущего в соответствии с законодательством государства пребывания лишение свободы сроком не менее пяти лет, или на основании вступившего в силу приговора суда”. Лишение свободы сроком на пять лет служит критерием отнесения преступления к категории тяжких и в других конвенциях, допускающих арест работников консульства в случае совершения таких преступлений. Разумеется, срок лишения свободы за совершение преступления, используемый в качестве критерия для отнесения его к категории тяжких, может не обязательно быть пятилетним или более длительным. Так, по конвенции между США и Коста-Рикой 1948 г. этот срок лишения свободы установлен в один год или более. Возможно даже, что стороны установят разные сроки заключения в качестве критерия отнесения преступлений к числу тяжких. Так, по статье 14 англо-итальянской консульской конвенции 1954 г. Англия считает тяжким преступлением, за которое предусмотрено наказание в 5 лет лишения свободы и более, а Италия — тюремное заключение на срок не менее 3 лет²¹. На практике это может привести к нарушению

принципа взаимности. Так, в приведенном примере должностное лицо английского консульства в Италии, совершившее преступление, за которое по итальянским законам полагается лишение свободы, скажем, на срок в 4 года, может быть подвергнуто предварительному заключению, тогда как должностное лицо итальянского консульства в Англии, совершив преступление, за которое ему грозит тот же срок заключения, до суда останется на свободе.

Очевидно, имея в виду возможность таких ситуаций, некоторые российские юристы высказывают мнение о том, что «сомнительна вообще необходимость в установлении связи между тяжким преступлением и арестом консула»²². Однако, отказаться от этого можно было бы лишь в том случае, если бы консульские конвенции не предусматривали возможность ареста консульских должностных лиц в случае совершения ими тяжких преступлений. Но поскольку многие конвенции допускают это, целесообразно указывать критерий отнесения того или иного преступления к категории тяжких непосредственно в консульской конвенции. И если это не удалось сделать при заключении Венской конвенции 1963 г., то в большинстве двусторонних консульских конвенций, в которых об этом идет речь, такой критерий указан.

Что же касается консульских конвенций с участием России, то во всех случаях, когда подобный критерий устанавливается, речь идет о пятилетнем сроке лишения свободы или более строгом наказании, и это условие применяется одинаково обеими договаривающимися сторонами.

Формулировка, подобная той, которая приведена в конвенции, заключенной между нашей страной и Францией, содержится также в конвенциях с Республикой Корея, Албанией и в Положении 1966 г. Она означает, что консульское должностное лицо может быть лишено свободы по приговору суда за любое преступление, если приговор предусматривает наказание в виде тюремного заключения на тот или иной срок, а в случае совершения тяжкого преступления — подвергнут предварительному заключению и до суда будет находиться под стражей. При этом в конвенциях этой группы обычно указывается, что если против консульского должностного лица возбуждается уголовное дело, это лицо обязано явиться в соответствующие органы государства пребывания. Тем не менее, при производстве дела ему должно оказываться уважение ввиду его официального положения и, кроме случаев, допускающих лишение его свободы, должно создаваться как можно меньше препятствий для выполнения им консульских функций. Когда возникает необходимость в предварительном задержании должностного лица, следствие и рассмотрение его дела в суде должны производиться в возможно короткие сроки.

Остальным работникам консульства и членам семьи должностных лиц по этим конвенциям и Положению 1966 г. даже такая ограниченная неприкосновенность личности не предоставляется.

В некоторых других конвенциях возможность предварительного заключения должностного лица связывается не с тяжестью наказания за преступление, а с его характером, с его объективной стороной. Так,

согласно статье 8 консульского договора с ФРГ, неприкосновенность личности предоставляется только консулу (главе консульского учреждения) и должностным лицам, которые “не могут быть подвергнуты аресту или иному ограничению свободы... за исключением таких случаев, когда речь идет о применении наказания в соответствии с вступившим в законную силу приговором суда или о преследовании за уголовное преступление против жизни или личной свободы, если провинившийся²³ застигнут на месте происшествия”. Аналогичная формулировка содержится в консульском договоре с Австрией, однако в нем подчеркивается, что речь идет о “преднамеренном” преступлении против жизни и личной свободы, а оговорка о том, что при этом виновный должен быть застигнут на месте происшествия, отсутствует.²⁴

Из формулировок, содержащихся в договорах с ФРГ и Австрией, вытекает, что должностное лицо, виновное, скажем, в неосторожном убийстве или причинении телесных повреждений в результате дорожно-транспортного происшествия, похищении какого-либо лица с целью получения выкупа и т.п., может быть подвергнуто предварительному заключению. Правда, при этом по договору с ФРГ необходимо, чтобы он был застигнут на месте происшествия, а по договору с Австрией требуется доказать, что преступление было совершено им преднамеренно. Но, поскольку это — преступление против жизни или свободы, предварительное заключение в этом случае допустимо. Если же должностное лицо обвиняется в совершении кражи, неповиновении властям или даже в шпионаже, то до суда обвиняемый в этих преступлениях будет находиться на свободе, так как при всей тяжести некоторых из таких преступлений, они не могут квалифицироваться как преступления против жизни и свободы. После суда, если его приговорят к лишению свободы на тот или иной срок, должностное лицо и в том, и в другом случае может быть заключено в тюрьму.

Членам семьи должностного лица, другим работникам консульства и членам их семей даже такая ограниченная неприкосновенность личности по договорам с ФРГ и Австрией не предоставляется.

В остальных консульских конвенциях в разных вариантах сочетается предоставление полной неприкосновенности личности должностным лицам и непредоставление ее другим работникам консульства, либо предоставление должностным лицам полной неприкосновенности личности, а работникам других категорий — ограниченной, допускающей их арест, в случае совершения преступлений.

Так, по конвенциям с Египтом, Молдовой, Туркменистаном и Таджикистаном, из трех категорий работников консульства полная неприкосновенность личности предоставляется только должностным лицам и проживающим вместе с ними членам их семьи, при условии, что они не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно. Так же решается этот вопрос и в конвенции с Кубой, однако, по российско-кубинской конвенции достаточно, если они не являются гражданами государства пребывания, а требование о том, чтобы они не были лицами, постоянно проживающими в нем, в этой конвенции отсутствует. На сотрудников консульства, работников

обслуживающего персонала и членов их семей неприкосновенность личности по этим пяти конвенциям не распространяется.

По статье 14 конвенции с Эфиопией полной неприкосновенностью личности пользуются лишь должностные лица и члены их семей при условии, что они не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно. Однако, далее в этой конвенции оговаривается, что даже на должностных лиц и членов их семей из числа граждан государства пребывания и постоянно проживающих в нем иностранцев неприкосновенность личности распространяется в тех случаях, "когда они находятся при исполнении служебных обязанностей". Это еще один из чрезвычайно редких случаев предоставления иммунитетов гражданам государства пребывания, работающим в иностранном консульстве.

Впрочем, эта оговорка в данном случае является, по-видимому, излишней и не может найти практического применения, поскольку в соответствии с п. 3 статьи 2 конвенции с Эфиопией, так же как и по конвенциям с другими странами, должностными лицами могут быть только граждане представляемого государства, а не работающие в консульстве члены их семьи не выполняют в нем служебных обязанностей. Даже если представить себе, что член семьи сам работает в качестве консульского должностного лица, он для этого должен быть гражданином представляемого государства. Возможен, конечно, случай, когда, являясь гражданином третьего государства или апатридом, член семьи должностного лица работает в консульстве в качестве сотрудника²⁵. Но в этом случае он и при исполнении служебных обязанностей не может пользоваться неприкосновенностью личности, поскольку на сотрудников консульства, даже если они являются гражданами представляемого государства, неприкосновенность личности по конвенции с Эфиопией вообще не распространяется.

Согласно п.1 статьи 14 конвенции с Вьетнамом полной неприкосновенностью личности пользуются, строго говоря, только сами должностные лица, а на членов их семей, сотрудников консульства и членов семей таких сотрудников она не распространяется. Однако, из содержания п. 2 статьи 14 этой конвенции косвенно можно сделать вывод о том, что членам семьи должностных лиц, не являющихся гражданами государства пребывания²⁶, неприкосновенность личности все-таки предоставляется, так как в п. 2 этой статьи запрещается принимать в отношении них исполнительные меры, если такие меры нарушают "неприкосновенность их личности".

По договору с КНР полная неприкосновенность личности предоставляется только должностным лицам и членам их семей, при условии, что они не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно. Сотрудники же и члены их семей, при тех же условиях, пользуются лишь ограниченной неприкосновенностью личности, допускающей возможность их ареста при совершении преступлений.²⁷ Причем в отличие от других консульских конвенций, предусматривающих возможность предварительного заключения работников консульства при совершении тяжких преступлений, в договоре с

КНР говорится о том, что это допускается при обвинении сотрудников консульства “в совершении действий, наказуемых по закону” государства пребывания. Не вполне ясно, следует ли понимать такую формулировку в том смысле, что предварительное заключение сотрудников консульства и членов их семей возможно при совершении ими не только тяжких, но и любых других преступлений.

По конвенциям с Бельгией, Италией, Грецией и Маврикием полная неприкосновенность личности предоставляется только главе консульства, но не распространяется даже на членов его семьи.

Остальные должностные лица пользуются лишь ограниченной неприкосновенностью личности, причем по конвенциям с Бельгией, Италией и Грецией предварительное заключение должностных лиц допускается при совершении ими умышленных тяжких преступлений, тогда как в конвенции с Маврикием указание на умышленный характер преступления отсутствует. Ничего не говорится в этих конвенциях о неприкосновенности личности членов семей должностных лиц.

Сотрудникам и работникам обслуживающего персонала, а также членам их семей неприкосновенность личности по этим конвенциям не предоставляется.

Близка по содержанию к этим конвенциям и конвенция с Сирией, также наделяющая полной неприкосновенностью личности только главу консульства, но распространяющая ее и на членов его семьи, гражданство и место постоянного проживания которых не оговариваются. Остальным должностным лицам и членам их семей, при условии, что они не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно, предоставляется лишь ограниченная неприкосновенность личности, а на сотрудников и членов их семей неприкосновенность личности вообще не распространяется.

По существу такая же формулировка содержится и в конвенции с Норвегией, по которой полной неприкосновенностью личности пользуются глава консульства и члены его семьи, не являющиеся гражданами государства пребывания или лицами, постоянно проживающими в нем. Должностным лицам и проживающим вместе с ними членам их семей при условии, что они не являются гражданами государства пребывания (требование о том, что они не должны постоянно проживать в нем, отсутствует), предоставляется ограниченная неприкосновенность, а за сотрудниками²⁸ и членами их семей она не признается вообще. Эту конвенцию можно было бы и не выделять среди других аналогичных конвенций, если бы в ней не содержалось одно положение, смысл которого не вполне ясен: после раскрытия содержание ограниченной неприкосновенности личности должностных лиц, которые могут быть лишены свободы по приговору суда или в случае совершения тяжких преступлений, в этой конвенции указывается, что “исключение из этого положения возможно по просьбе представляемого государства или с его согласия”. Если это означает возможность отказа от неприкосновенности личности должностных лиц в тех случаях, когда они имеют на нее право, то для этого не требуется просьбы со стороны представляемого государства или его согласия с предложением об этом государства

пребывания. Представляемое государство в тех случаях, когда оно считает возможным и целесообразным отказать от того или иного иммунитета должностного лица, может сделать это вполне самостоятельно, уведомив о своем решении власти государства пребывания. Если же в эту фразу вложен какой-то иной смысл, то его было бы желательно пояснить.

По конвенции с Мали полной неприкосновенностью личности пользуются только должностные лица и сотрудники консульства, а также члены их семей, имеющие дипломатические и служебные паспорта. На должностных лиц и сотрудников, не имеющих дипломатических и служебных паспортов, на членов их семей, на работников обслуживающего персонала и членов их семей неприкосновенность личности не распространяется.

По действующей конвенции с Индией 1986 г. глава консульства и должностные лица, имеющие дипломатические паспорта, пользуются полной неприкосновенностью личности, но это не распространяется на членов их семей, хотя они пользуются иммунитетом от юрисдикции.

Консульским должностным лицам, не имеющим дипломатических паспортов, предоставляется ограниченная неприкосновенность личности, допускающая лишение их свободы по приговору суда или в случае совершения ими тяжких преступлений. Причем понятие тяжкого преступления в этой конвенции никак не определяется, поэтому для выяснения того, относится ли то или иное преступление к категории тяжких, следует обращаться к законодательству государства пребывания.²⁹ Законодательство соответствующего государства, конечно, даст ответ на этот вопрос. Однако, включение необходимого критерия в текст консульской конвенции представляется более предпочтительным.

Относительно неприкосновенности личности членов семьи должностных лиц, не имеющих дипломатических паспортов, в конвенции нет прямых указаний, но в ней говорится, что члены семьи таких должностных лиц “пользуются тем же статусом в отношении уголовной юрисдикции государства пребывания, что и консульское должностное лицо, не имеющее дипломатического паспорта”. Однако, это вряд ли дает основание утверждать, что таким же статусом они пользуются и в отношении неприкосновенности личности. В данном случае недостаточная четкость формулировки объясняется по-видимому тем, что в этой конвенции, как и в некоторых других, вопросы о неприкосновенности личности и об иммунитете от юрисдикции излагаются в одной и той же статье, а это не всегда позволяет обеспечить ясное изложение как того, так и другого вопроса.

Сотрудникам, работникам обслуживающего персонала и членам их семей неприкосновенность личности по этой конвенции вообще не предоставляется.

В новой конвенции с Индией, подписанной 21 декабря 1998 г., этим вопросам посвящены две разные статьи. Согласно статье 18, “консульские должностные лица, имеющие дипломатические паспорта, и члены их семей пользуются личной неприкосновенностью. Они не подлежат аресту или задержанию в какой бы то ни было форме”. Таким образом,

по крайней мере в отношении членов семьи должностных лиц, имеющих дипломатические паспорта, внесена ясность: они пользуются такой же полной неприкосновенностью личности, как и должностные лица, обладающие дипломатическими паспортами.

Все прочие вопросы, касающиеся неприкосновенности личности, в новой конвенции решаются так же, как и в предыдущей: должностным лицам, не имеющим дипломатических паспортов, предоставляется лишь ограниченная неприкосновенность личности, но она не распространяется на членов их семей. Всем остальным работникам консульства и членам их семей неприкосновенность личности также не предоставляется.

Нельзя не отметить, что наделение должностных лиц полной или только ограниченной неприкосновенности личности в зависимости от наличия или отсутствия у них дипломатических и служебных паспортов, по конвенции с Мали, или дипломатических паспортов, по конвенции с Индией, довольно редкое явление в консульском праве. Обычно лицам той или иной категории в составе персонала консульства привилегии и иммунитеты предоставляются в зависимости не от того, какой у них паспорт, а от того, какие функции они выполняют в консульстве. Поэтому вряд ли можно считать вполне справедливым, что должностные лица, выполняющие одинаковые функции, наделяются разным объемом иммунитетов только потому, что у одних из них есть дипломатический паспорт, а у других — нет. Однако, коль скоро участники указанных двух конвенций решили увязать неприкосновенность личности с видом паспорта, с этим надо считаться.

Никому из работников консульства, даже его главе, полная неприкосновенность личности не предоставляется по конвенциям с Югославией³⁰ и Турцией. Все должностные лица, включая консула, и проживающие вместе с ними члены их семей, если они не являются гражданами государства пребывания или лицами, постоянно проживающими в нем, пользуются лишь ограниченной неприкосновенностью личности, а на сотрудников консульства, работников обслуживающего персонала и членов их семей она вообще не распространяется.

Точно так же только должностным лицам и членам их семей, если они не являются гражданами государства пребывания, предоставляется ограниченная неприкосновенность личности по конвенции со Швецией. Однако, в ней нет требования о том, чтобы члены семьи должностного лица не проживали постоянно в государстве пребывания, достаточно, если они не являются гражданами государства пребывания. Интересной особенностью этой конвенции является также то, что допуская лишение должностного лица свободы в случае совершения им тяжкого преступления, она не предусматривает возможности лишения его свободы по приговору суда за преступления, не считающиеся тяжкими³¹. Наконец, анализируя конвенцию со Швецией, следует иметь в виду, что согласно второму протоколу к этой конвенции, должностные лица и сотрудники консульств обеих сторон кроме привилегий и иммунитетов, предусмотренных в ней, имеют право на основе взаимности на любые другие привилегии и иммунитеты, которые предоставлены или

могут быть предоставлены одной из договаривающихся сторон соответствующим категориям персонала консульств какого-либо третьего государства. Таким образом, российско-шведская конвенция устанавливает для работников консульств режим наибольшего благоприятствования в области привилегий и иммунитетов. Следовательно, если Швеция предоставит на своей территории должностным лицам консульства какого-либо государства, скажем США или Франции, полную неприкосновенность личности, то Россия будет вправе рассчитывать на предоставление такой же неприкосновенности личности должностным лицам российских консульств в Швеции, разумеется, на основе взаимности. Следует, однако, отметить, что указанный протокол к конвенции со Швецией является единственным документом такого рода, и к другим консульским конвенциям, заключенным нашей страной с иностранными государствами, подобные протоколы не принимались.

В соответствии с конвенцией с Румынией полная неприкосновенность личности предусматривается для должностных лиц, сотрудников и членов их семей, при условии, что они не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно. На работников обслуживающего персонала и членов их семей неприкосновенность личности не распространяется.

По консульским конвенциям, заключенным Россией в последние годы с Польшей, Латвией, Литвой, Эстонией, Арменией, Украиной, Грузией, Кыргызстаном, Узбекистаном, Беларусью, Азербайджаном и Болгарией, полная неприкосновенность личности предоставляется лишь должностным лицам и членам их семей, при условии, что они не только не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно, но и не занимаются в государстве пребывания трудовой деятельностью за вознаграждение. Сотрудники, работники обслуживающего персонала и члены их семей, по указанным конвенциям, вообще не пользуются неприкосновенностью личности.

По статье 41 Венской конвенции 1963 г. ограниченной неприкосновенностью личности пользуются только сами должностные лица, которые не подлежат аресту или предварительному заключению иначе как в случае совершения тяжких преступлений или на основании приговора суда. Венская конвенция не дает оснований даже косвенно предположить, что такая неприкосновенность личности предоставляется членам семьи должностных лиц, служащим консульства, работникам обслуживающего персонала и членам их семей.

В конвенции с Тунисом неприкосновенность личности кого бы то ни было из работников консульства прямо не упоминается. Однако, из статей 17 и 18 этой конвенции косвенно можно сделать вывод, что неприкосновенность личности все-таки предоставляется по крайней мере должностным лицам, включая главу консульства, и членам их семей, не являющимся гражданами государства пребывания и не проживающим в нем постоянно. Содержание неприкосновенности личности не раскрывается, но, поскольку подчеркивается, что любые исполнительные меры в отношении них могут приниматься только "без нарушения неприкосновенности их личности", речь по-видимому идет

о полной неприкосновенности личности должностных лиц и членов их семей. Это подтверждается закреплением в статье 17 обязательства государства пребывания "относиться к консульским должностным лицам и членам их семей, проживающим вместе с ними, с должным уважением и принимать все надлежащие меры для предупреждения каких-либо посягательств на их личность, свободу и достоинство". Такая формулировка обычно содержится в конвенциях, закрепляющих полную неприкосновенность личности тех, кого она касается. Очевидно, что и по этой конвенции арест или задержание должностных лиц или членов их семей можно рассматривать как посягательство на их личность, свободу и достоинство, предупреждать которое государство пребывания обязано даже в тех случаях, когда такое посягательство исходит от властей этого государства. Однако, как представляется, прямое и четкое закрепление неприкосновенности личности должностных лиц и членов их семей было бы более целесообразным. Нечеткость формулировки, содержащейся в конвенции с Тунисом, проявляется также в том, что в ней не указывается, связывается ли предоставление неприкосновенности личности должностным лицам и членам их семей с их гражданством и местом постоянного проживания. Правда, должностными лицами по этой конвенции, как и по многим другим, могут быть лишь граждане представляемого государства, но членами их семей могут быть граждане третьих стран и даже граждане государства пребывания или апатриды, а также лица, постоянно проживающие в государстве пребывания. И конвенция с Тунисом не дает ответа на вопрос о том, будут ли пользоваться неприкосновенностью личности члены семей должностных лиц, не являющиеся гражданами представляемого государства.

Никаких указаний относительно неприкосновенности личности сотрудников консульства, работников обслуживающего персонала и членов их семей в конвенции с Тунисом также не содержится.

Косвенный вывод о предоставлении неприкосновенности личности должностным лицам и членам их семей можно сделать на основании статей 14 и 15 конвенции с Ганой. Правда, объем неприкосновенности их личности не раскрывается, но можно предположить, что по крайней мере ограниченной неприкосновенностью личности они обладают. Такой вывод представляется логичным, поскольку даже сотрудники и работники обслуживающего персонала, если они не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно, пользуются ограниченной неприкосновенностью личности, то есть не подлежат аресту или лишению свободы в иной форме, иначе как в случае совершения тяжкого преступления или на основании приговора суда. Причем тяжкое преступление, о котором идет речь, должно быть умышленным. Правовое положение должностных лиц по-видимому не может быть хуже, чем у сотрудников или работников обслуживающего персонала. Однако, следует отметить, что по конвенции с Ганой неприкосновенность личности не распространяется на членов семей сотрудников консульства и работников обслуживающего персонала.

Вывод о полной неприкосновенности личности должностных лиц и членов их семей, не являющихся гражданами государства пребывания

и не проживающих в нем постоянно, можно сделать по статье 15 конвенции с Эквадором, поскольку в ней указывается, что они “не могут быть подвергнуты принудительным мерам” со стороны государства пребывания. В отношении сотрудников и работников обслуживающего персонала косвенно можно сделать вывод, что они пользуются неприкосновенностью личности по крайней мере при исполнении служебных обязанностей. В этом случае, как указывается в этой конвенции, они не могут подвергаться принудительным мерам, а исполнительные меры могут применяться к ним только “без нарушения неприкосновенности их личности”. Однако, неясно, пользуются ли они неприкосновенностью личности в тех случаях, когда они не находятся при исполнении служебных обязанностей. На членов семей сотрудников и работников обслуживающего персонала неприкосновенность личности, по этой конвенции, вообще не распространяется.

Наконец, в консульских конвенциях с США, Японией, Финляндией, Мексикой, а также в Консульском уставе 1976 г. вовсе нет статей о неприкосновенности личности кого бы то ни было из работников консульства.

Учитывая большое разнообразие содержания консульских конвенций и договоров по этому вопросу, российское законодательство, в частности Положение 1966 г., закрепило лишь ограниченную неприкосновенность личности, предоставляемую только должностным лицам. Согласно статье 25 этого Положения, должностные лица “пользуются личной неприкосновенностью и не могут быть подвергнуты задержанию или аресту, иначе как в случае совершения тяжкого преступления или исполнения вступившего в законную силу приговора суда”.³² Из этой формулировки вытекает, что члены семьи должностных лиц неприкосновенностью личности³³ не пользуются. Не предоставляется в соответствии с Положением 1966 г. неприкосновенность личности также остальным работникам консульств и членам их семей. Разумеется, если какой-либо консульской конвенцией, в которой участвует Россия, устанавливается иное, то действуют нормы соответствующей конвенции.

В заключение следует отметить, что в ряде конвенций, предоставляющих членам персонала консульства лишь ограниченную неприкосновенность личности и допускающих возможность их ареста или задержания в определенных случаях, содержится обязательство государства пребывания уведомлять представляемое государство об аресте работника консульства или возбуждении против него уголовного дела. При этом формулировки различных конвенций по этому вопросу также неодинаковы. Так, в статье 42 Венской конвенции 1963 г. указывается: “В случае ареста или предварительного заключения какого-либо работника консульского персонала, или возбуждения против него уголовного дела государство пребывания незамедлительно уведомляет об этом главу консульского учреждения. Если последний сам подвергается таким мерам, государство пребывания уведомляет об этом представляемое государство по дипломатическим каналам”. Анализируя эту статью, И.П. Блищенко отмечал, что поскольку в ней идет речь о “консульском персонале”, то есть обо всех работниках консульства, она противоречит

статье 41 Венской конвенции, предоставляющей личную неприкосновенность должностным лицам консульства за исключением случаев совершения ими тяжких преступлений или вступления в силу приговора суда³⁴. Наверное, это замечание справедливо. Однако, по-видимому, основное значение статьи 42 состоит в том, чтобы закрепить обязанность государства пребывания уведомлять главу консульства об аресте или задержании любого работника консульства во всех случаях, когда лишение его свободы допускается.

В конвенциях с Турцией, Италией, Маврикием и рядом других стран уведомления об аресте или задержании предусматриваются только в отношении должностных лиц, по конвенциям с Югославией, Республикой Корея и т.д. — в отношении любого работника консульства. Любопытно в этом отношении конвенция с Ганой, в которой говорится об обязанности делать уведомления только в отношении сотрудников и работников обслуживающего персонала, но ничего не сказано об уведомлениях в отношении должностных лиц. Это, очевидно, следствие недостаточной ясности вопроса о том, предоставляется ли по этой конвенции неприкосновенность личности должностным лицам и, если предоставляется, то в каком объеме. Как уже указывалось, вывод об этом по конвенции с Ганой может быть сделан только косвенно, поскольку прямых указаний в ней нет. Если исходить из того, что должностные лица по этой конвенции пользуются лишь ограниченной неприкосновенностью личности и могут быть арестованы в случае совершения преступлений, то уведомления об их аресте необходимо делать. Если же считать, что должностные лица по этой конвенции пользуются полной неприкосновенностью личности, то необходимость в каких-либо уведомлениях в отношении них, естественно, отпадает, поскольку исключается сама возможность их ареста или задержания.

Неодинаковы и положения разных конвенций о сроках таких уведомлений. В большинстве конвенций говорится лишь в общей форме об обязанности делать такие уведомления “незамедлительно” или “в кратчайший срок”. Но встречаются и более развернутые формулировки. Так, по договорам с ФРГ и Австрией, если должностное лицо арестовано или в отношении его должно быть начато следствие, государство пребывания обязано “заранее” поставить об этом в известность посольство представляемого государства. Однако, в случае задержания его на месте преступления, государство пребывания обязано поставить посольство в известность об этом “немедленно после задержания”.

Не совсем одинаково решается и вопрос о том, кого следует поставить в известность об аресте или задержании работника консульства: в одних конвенциях уведомляется глава консульского учреждения, в других либо глава консульского учреждения, либо глава дипломатического представительства (Югославия, Турция), причем выбор, очевидно, предоставлен на усмотрение государства пребывания, в третьих говорится о том, что уведомление делается “дипломатическим путем”, то есть уведомляется представляемое государство, но, по-видимому, через его посольство (Франция, Бельгия, Греция, Гана), а в конвенциях с некоторыми странами, например, с Италией, прямо говорится, что об этом информируется дипломатическое представительство.

Наконец, следует отметить, что более чем в половине двусторонних консульских конвенций, в которых участвует наша страна, а также в Положении 1966 г. статьи об уведомлении вообще отсутствуют.

При условии, что соответствующее государство является участником Венской конвенции 1963 г., его обязанность делать уведомления об аресте или задержании работников консульства, не пользующихся полной неприкосновенностью личности, вытекает из статьи 42 этой конвенции. Что же касается государств, не присоединившихся к Венской конвенции 1963 года, то, разумеется, если обязанность любого такого государства уведомлять об аресте или задержании членов персонала консульства прямо не зафиксирована в двусторонней консульской конвенции, то юридически нет оснований требовать от него таких уведомлений. Конечно, в тех случаях, когда всем работникам консульства предоставляется полная неприкосновенность личности, как это предусмотрено в ряде рассмотренных выше конвенций, и никто из членов персонала консульства не может быть арестован или задержан в какой бы то ни было форме, в таких уведомлениях нет необходимости. Однако, если такая полная неприкосновенность личности не предоставляется тем или иным категориям работников консульства, включение в консульские конвенции положений относительно таких уведомлений отнюдь нельзя считать излишним. И если уж государство пребывания, согласно протоколам, прилагаемым обычно к консульским конвенциям, обязано уведомлять консульство об аресте или задержании любого гражданина представляемого государства, то в отношении работников консульства это тем более оправданно.

Представляется, что при заключении в будущем консульских конвенций, не предусматривающих полной неприкосновенности личности всех членов персонала консульства, было бы целесообразно включать в каждую из них положение об обязанности государства пребывания уведомлять консульство или посольство представляемого государства об аресте или задержании работников консульства. Это содействовало бы упрочению их правового положения. При этом, кроме случаев совершения тяжких преступлений, когда допускается предварительное заключение работников консульства, или задержания их на месте преступления, следует предусмотреть, чтобы такие уведомления делались заранее.

Таким образом, как показывает анализ консульских конвенций и договоров, заключенных нашей страной с различными государствами, вопрос о неприкосновенности личности работников консульства решается в них неодинаково. Даже если не учитывать отдельные отличия, имеющие менее важный характер, в конвенциях можно насчитать не менее 20 различных вариантов решения этого вопроса³⁵. Да и в таком, казалось бы, простом вопросе, как уведомления об аресте или задержании работников консульства, обязанность делать которые закреплена далеко не во всех конвенциях, можно отметить не менее 5 разных подходов к его решению.

Все эти особенности необходимо знать и учитывать для того, чтобы не допустить применения необоснованных принудительных мер государства пребывания к работникам иностранных консульств, и в то же время не дать им уйти от ответственности за действительно совершенные преступления, используя, в частности, в тех случаях, когда это допускается консульскими конвенциями, арест или задержание членов

персонала консульства. При этом, разумеется, ни самому работнику консульства, ни представляемому государству, ни государству пребывания отнюдь не безразлично, будет ли обвиняемый в совершении преступления до суда оставаться на свободе, или к нему может быть применена такая мера пресечения как предварительное заключение, и он будет взят под стражу сразу же по задержании. И решение этого вопроса зависит от содержания соответствующей консульской конвенции.

¹ См.: Московский журнал международного права (МЖМП) № 2 и 3 за 1999 год.

² В МЖМП 1999, №3, с. 167 в приведенных данных о количестве консульских учреждений России за рубежом на март 1998 г. допущена опечатка: следует читать не 14, а 214.

³ Известия, 9 октября 1999.

⁴ Российская газета, 13 октября 1999.

⁵ Бюллетень международных договоров (БМД). № 10, октябрь 1999, с. 84.

⁶ БМД. № 7, июль 1999, с. 79.

⁷ БМД. № 2, февраль 2000, с. 80.

⁸ Так, после вступления в силу новой российско-индийской консульской конвенции 1998 г. Индию придется исключить из списка шести стран, по конвенциям с которыми консульские машины пользуются иммунитетом от обыска, ареста, реквизиции и исполнительных действий, поскольку по новой конвенции им предоставляется иммунитет только от реквизиции. Кстати, в связи с этим примечанием можно исправить еще одну ошибку, допущенную в статье о консульском праве в МЖМП, 1999 г. № 2 на стр. 229, где при перепечатке выпала целая строка. Последние две строки на этой странице следует читать так: "исполнительных действий, а по договору с КНР - от обыска, ареста и исполнительных действий, тогда как иммунитет от реквизиции в нем не упоминается".

⁹ Имеется в виду Положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР от 23 мая 1966 г., сохраняющее свое действие в Российской Федерации.

¹⁰ В 1994 г. такое разрешение было предоставлено всем иностранным дипломатам и другим сотрудникам посольств в Литве. По специальному разрешению дипломаты могут носить оружие также в Латвии. Известия, 5 октября 1994.

¹¹ Известия, 12 и 13 августа 1993.

¹² Российская газета и Известия, 2 марта 1999.

¹³ Обстоятельства его ареста и смерти в тюрьме изложены в МЖМП, 1999, № 2, с. 231.

¹⁴ Известия, 14 февраля 1998.

¹⁵ Международное право. Отв. редакторы Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2000, с. 356.

¹⁶ *Бобылев Г.В., Зубков Н.Г.* Основы консульской службы. М.: Междунар. отношения, 1986, с.152.

¹⁷ *Сандровский К.К.* Право внешних сношений. Киев. Вища школа, 1986, с. 318.

¹⁸ К их числу относятся: Венгрия, Чехия, Словакия, ЙАР, Гвинея-Бисау, Гвинейская Республика, Ангола, Кабо-Верде, Бенин, Мозамбик, Кипр, Сан-Томе и Принсипи, Лаос, КНДР, Камбоджа, Ливия, Казахстан. Здесь и далее консульские конвенции с участием нашей страны, вступившие в силу до 1985 г., приводятся по сборнику "Консульские конвенции, заключенные Советским Союзом с иностранными государствами", изданному Консульским управлением МИД СССР в 1985 г., а более поздние конвенции - по соответствующим выпускам Бюллетеня международных договоров, публикуемого МИД РФ.

¹⁹ Примером такой конвенции в этой группе может служить конвенция с Казахстаном, в которой различаются три группы работников консульства.

²⁰ В некоторых конвенциях, например с Гвинейской Республикой, слова “проживающие вместе с ними” применительно к членам семей опущены.

²¹ *Luke T. Lee. Consular Law and Practice.* N.Y., 1961. p. 257.

²² *Ильин Ю. Д.* Основные тенденции в развитии консульского права. М.: Юридическая литература, 1969. с. 146.

²³ Здесь по-видимому неточность перевода, правильнее было бы сказать “виновный”.

²⁴ Только договоры с ФРГ и Австрией связывают возможность предварительного заключения консульского должностного лица с характером совершенного им преступления, во всех остальных конвенциях, допускающих лишение должностных лиц свободы, это зависит от тяжести преступления.

²⁵ Конвенция с Эфиопией различает только две категории работников консульства: должностных лиц и сотрудников.

²⁶ Требование о том, чтобы они не были и лицами, постоянно проживающими в государстве пребывания, в этой конвенции отсутствуют.

²⁷ Следует отметить, что в интересной в целом работе О.В. Плотниковой по консульскому праву неверно указывается, что “в соглашениях России с КНР вообще нет деления на категории” работников консульства. (Плотникова О.В. Консульские отношения и консульское право. М.: Издательская группа НОРМА — ИНФРА. М., 1998. с. 98). Это результат того, что автор пользовалась старым договором 1959 г., тогда как в ныне действующем консульском договоре с КНР 1986 г. (п.п. 4 и 5 статьи 1) четко обозначены две категории работников консульства: должностные лица и сотрудники.

²⁸ Под “сотрудниками” в этой конвенции, как уже отмечалось, понимаются лишь члены административно-технического персонала, а правовое положение работников обслуживающего персонала в ней не определено.

²⁹ Это относится и к другим конвенциям, например, с Сирией и Маврикием, в которых понятие тяжкого преступления также не определяется.

³⁰ Поскольку после распада Югославии новые государства, возникшие на ее бывшей территории — Босния и Герцеговина, Македония, Хорватия и Словения, так же, как и Союзная Республика Югославия (в составе Сербии и Черногории) стали правопреемниками консульской конвенции между СССР и СФРЮ от 20 июня 1987 г., все привилегии и иммунитеты консульств и их персонала в указанных странах являются тождественными содержащимся в указанной конвенции 1987 г., которая в данной статье именуется конвенцией с Югославией.

³¹ Так же, как и в конвенции с Норвегией, конвенция со Швецией содержит фразу о том, что “исключение из этого положения возможно по просьбе представляемого государства или с его согласия”, смысл которой не вполне ясен.

³² Ведомости Верховного Совета СССР, № 22, 1 июня 1966. Ст. 387.

³³ Выражения “неприкосновенность личности” и “личная неприкосновенность” употребляются как синонимы.

³⁴ *Блищенко И.П.* Дипломатическое право. М.: Высшая школа, 1990. с. 195 - 196.

³⁵ О.В. Плотникова указывает, что имеется “по меньшей мере 11 вариантов решения вопроса о неприкосновенности личности консульского должностного лица” (Плотникова О.В. Указ. соч. с. 80). Но если учесть различия в решении этого вопроса применительно к сотрудникам (служащим) консульства и работникам обслуживающего персонала, то количество вариантов будет намного больше.

Статья поступила в редакцию в феврале 2000 г.